

Кенжегай ДОСМУХАМЕТОВ

Жаркаин

ЛЕГЕНДА

На восток от поселка Гумбейка, слева от дороги, стоит дом старого казаха. Попутчики подскажут: — А подальше, за этим домом, есть «святой колодец».

— Святой? Отчего его так назвали?

— Кто его знает. Вода в нем чистая и от болезней, говорят, помогает.

Рядом дома стоят старые.

В этих местах я провел почти двадцать лет, они мне родные и близкие. Вот и собрал по крупицам да по словечку легенду.

«Жаркаин» по-казахски — «береза влюбленных».

С чего бы люди такое имя придумали?

Давным-давно здесь простиралась голая степь — не за что глазу зацепиться. И жил тут в большой юрте бай Мурат со своей дочерью Айслу. Прекрасная, как луна, добрая в мать, которую жестокость Мурат-бая давно загладила в могилу.

Все люди у него были в долгах, ходили в лохмотьях, жили впроголодь, хотя работали день и ночь. Среди них был один джигит, смелый, веселый, по имени Еркен. Он один не гнул спину перед баем. С ним всегда его домбры и любимые песни на устах. Такого гордого, неунывающего полюбила Айслу всем сердцем.

— Смотри, Еркен, ты простой, бедный джигит, а на тебя Мурат-бая дочка заглядывается, уж не хочешь ли в жены ее взять? — спрашивали его жители аула.

— А что ж, и посватаю. Она мне самому по душе.

— Где же ты калым возмешь?

— Вы правы, у меня нет отары овец, не пасутся табуны лошадей, но есть песни вольные да руки сильные, — сказал Еркен и пошел к Мурат-баю сватать дочь.

Засмеялся бай, затем рассвирепел от такого, по его мнению, нахальства.

— Как ты смел о дочери подумать, собаачье отродье? Прочь отсюда!

Еркен ответил:

— Я пойду, но не один, а с вашей дочерью, которая меня любит так же, как я ее.

— Это правда? — спросил Мурат-бай у дочери.

— Верно, отец, — смело глядя в глаза отцу, сказала Айслу.

Бай прогнал Еркена, а дочь закрыл в юрте и поставил людей сторожить, чтобы не убежала.

Все же в темную ночь девушку похитил смелый джигит. Рассердился Мурат-бай и решил расправиться с Еркеном. Велел подать ядовитого зелья. Развел его с кумысом, налил в бурдюк и поскакал в степь. К вечеру бай услышал песню, поехал навстречу ей и застал беглецов. Еркен пел о своей любви, а Айслу, положив голову ему на колени, слушала. Мурат-бай подошел с улыбкой и сказал:

— Не бойтесь меня, дети. К вам приехал не со злобой. Мое доброе сердце простило вас. Теперь в знак примирения, джигит мой, выпей пиялу кумыса.

Отпил джигит половину пиялы, задрожали руки, потемнело в глазах. Перехватила пиялу Айслу.

— Не пей! — закричал Мурат-бай.

— Нет, отец. У меня с Еркеном все пополам — и кумыс, и жизнь.

Выпила и упала замертво рядом с неподвижным Еркеном. Мурат-бай вскочил на коня:

— Так вам и надо! Пусть вас волки раздерут на куски, пусть вороны выклюют глаза! — крикнул он и поскакал к своему кочевью.

А там переполох. Вода из колодца ушла, надо переходить на новые места. Всю ночь не спал Мурат-бай. Ворочался с боку на бок. Стоило глаза закрыть ненадолго, как тут же появлялись лежащие рядом молодой джигит и его любимая дочь.

«Надо бы тела их в землю зарыть, — подумал бай. — Это мне в наказание вода из колодца ушла». Собрал он наутро людей и повел их туда, где лежали Еркен и Айслу. Пряшли, а молодых людей нет. Только из-под зеленой травы течет светлый родник, а над ним шумит высокая красивая береза. Склонилась ветки к самой воде, будто опечалилась.

Подняли люди головы, слышат — на березе булбул поет. Поняли они, что песня эта о любви, которая сильнее смерти. Пропнали Мурат-бая, потому что узнали о его злодействе, поселились недалеко от родника, обложили его со всех сторон камнем, сделали навечно колодезем. В нем и до наших дней вода светлая, как луна, и чистая, как весеннее небо.

Поэтому родник и называют святым. С тех пор это место назвали «Жаркаин» — «береза влюбленных».

*Булбул — соловей.

Мы сообщали о том, что в Москве на заводе имени Лихачева открылась выставка самодеятельных художников изостудии нашего комбината. Группа студийцев выезжала на открытие этой выставки. Мы попросили руководителя изостудии В. П. Павлова, возглавлявшего делегацию художников-металлургов, поделиться впечатлениями от поездки.

— 90 работ студийцев самых различных жанров и тематики мы отправили на эту ответственную для нас выставку. В распоряжение выставки был отдан большой выставочный зал Дворца культуры ЗИЛА. Нам очень приятно, что посетителями выставки стали не только лихачевцы, интерес к ней проявила вся общественность столицы, большие художники страны, деятели искусства. Одним словом, наше искусство

ВЫСТАВКА РАБОЧИХ ХУДОЖНИКОВ

оказалось в центре внимания самых широких кругов Москвы. На открытии выставки выступил народный художник СССР Борис Немский, который с восхищением говорил о том, что Магнитка себя прославилась не только своей индустриальной мощью, но и художественным талантом людей горячих профессий.

С большим вниманием отнеслись к студийцам, приехавшим в Москву представлять самодеятельное искусство металлургов. Была составлена прекрасная программа экскурсий, посещения, позволившая познакомиться с достопримечательностями столицы, театральным искусством Москвы, творчеством видных художников современности. Мы побывали в Большом театре на балете «Спартак», в Третьяковской га-

лерее, на ВДНХ, в лучших самодеятельных изостудиях Москвы. Нам приятно было убедиться, что работы многих наших студийцев не уступают по своей художественной зрелости лучшим работам москвичей. Но мы искренне позавидовали студийцам Дома культуры и техники научно-исследовательского института, у которых есть возможность заниматься скульптурой.

Сильное впечатление произвело на нас посещение музея-квартиры народного художника СССР Павла Корина. Как завороченные, ходили мы по его мастерской, комнатам, украшенным его картинами. Эскизы, наброски, детали к отдельным произведениям давали возможность нам увидеть процесс рождения картины большого мастера. Интересными были и

встречи с заслуженными артистками РСФСР Верой Красавитской и Клавдией Хабаровой, солисткой хора имени Пятницкого Тамарой Зайцевой, с тружениками завода имени Лихачева. Все это, несомненно, обогатило студийцев, дало хороший творческий заряд.

В один из дней состоялось обсуждение выставки. Много добрых слов о творчестве наших самодеятельных авторов и о студии говорили и профессиональные, и самодеятельные художники, и рабочие ЗИЛА. Правда, высказали нам и пожелания: развивать традиции южно-уральского прикладного искусства в резьбе по дереву, в ковке по металлу. Теперь мы ждем лихачевцев к нам с ответным визитом.

Записала
Ж. ИЛЛАРИОНОВА.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Все то, что
Родиной зовут

Я в переписке с белым светом.
Тревожу всех своим письмом
и жажду встречи, но при этом
боюсь оставить отчий дом.
Боюсь домой не возвратиться.
Вдруг разобьется самолет!
Тут без меня не только птица,
собака дня не проживет.
Боюсь без Родины остаться,
ведь может статься дело в том:
за право праздное скитаться
меня разлюбят отчий дом.
Боюсь, меня тогда забудут
мои уральцы-земляки,
боюсь, что никогда не буду
стоять у огненной реки...
Боящийся несовершенен.
И чтобы страх не жег мой труд,
живу среди уральских руд,
среди заводов и селений,
лею, как сердцебиенье,
все то, что Родиной зовут.

Праздничная
демонстрация

Нарядны были милиционеры,
и били в барабаны пионеры,
гудел проспект от красных
демонстраций,
спешили люди,
чтоб объединяться,
несли цветы и пестрые шары,
и завивались гроздь детворы.
Итожа годы, поступью чугунной
входили ветераны на трибуны,
вставали в ряд, улиты кулаком,
и слушали оркестров гордый гром.
Их путь отважный, путь их
полновесный,
поют сегодня медные оркестры.
А это значит, люди, посмотрите
на праздничное наше общежитие,

к лицу нам всем улыбки, а не слезы,
нам лучше вместе, хуже, если разны.
Все наше человеческое счастье
в таком простом, доступном слове
«Здравствуй».

Я многих знаю в праздничном строю,
рабочий мирно варит сталь свою,
веселых женщин белый хоровод
привел на площадь молокозавод,
хлебов румяной выпечкой богат,
принес их людям хлебокомбинат.
А сколько в этих праздничных
колоннах

и девушек, и юношей влюбленных,
готовых мир с восторгом целовать,
готовых свадьбы нежные играть.
И вновь, как тень, встает вопрос
большой:
Зачем же миру угрожать войной!

Песня
о металлургах

Нет-нет, не ошибка,
что сердце заковано
в латы Магнитки.
Есть больше надежды,
что сердце останется
нежным.
Нет-нет, не до смерти
горячая воля металла,
иначе бы сердце
давно бы остыло, устало.
Нет-нет, не досада —
в ребро — непокорные годы,
за годы награда
нам дружба железной
породы.
Во славу, во славу
судьба металлургов такая.
Жила бы держава,
а сила пребудет мужская.

От скорби

Над множеством детей войной звеня,
скорбь выбрала в приемыши тебя
да и меня.
У этой мачехи есть древнее умение
и у младенца воспитать терпение.
Мы, стиснув кулачки, торили тропы,
к терпению прибавляя добрый опыт.
Работы добрый опыт неизбежный
наполнил нас веселою надеждой.
Вслед за надеждой, осеняя кров,
и к нам пришла кормилица любовь.
Дожили до любви, да мы теперь-то
бессмертны и не убоимся смерти.

В небе плыл полуденный звон.
Я пришла за водой к колодцу.
А вода в глубине смеется:
«Кто-то ясный в тебя влюблен».
Он идет по большой стране,
на похожих пока удивляется.
«Все не то, все не та, — ужасается, —
где же та, что живет во мне!»

Он во льдах города поднимал,
населял их детьми и садами,
возжигал плодородные пламя,
и опять по тебе тосковал.

Его насмерть пустыни жгли,
мои воды его оживляли
и подземным ключам передали,
что он должен дойти, ты жди.

Он дойдет до тебя без сил...
Снова чудный звон раздается.
Оглянись, он стоит у колодца,
он одну лишь тебя любил.

Фонари

Ночью из окошка посмотри:
словно бы седые дон-Кихоты,
бродят по проспектам фонари,
сеют свет, и это их работа.

А когда слезы прозрачный шар
наплывает на глаза ребенка,
в дом приходит с улицы фонарь
и ласкает детские ручонки.

И любовь мрачна без фонаря.
Вот мы двое в радости и муке
островочек света цвета сентября
заплели в испуганные руки.

Одинокий взрослый человек
к фонарям идет в час непогоды
вспомнить тех, или увидеть тех,
кто на встречу больше не приходит.

И когда слезы прозрачный шар
на глаза внезапно наплывает,
опускает голову фонарь
и пропавший образ вызывает.

Так живут на свете фонари,
странные ночные дон-Кихоты.
В голове их добрый свет горит,
добрый свет, и это их работа.

Ивашкины ложки

В уральской деревне, деревне
Гумешки
осины на опушке, березы на горе.
Мастер Ивашка сидит под окошком,
березовые стружки на топоре.
Чурки-попелки, попелки-деревашки
к мастеру Ивашке в гости ваяют,
рябиновые ложки, осиноновые ложки
резать Ивашке чурбашки велят.
Ножик звенит, стружка поет,
ложка на ножке плясать идет.
На окошке ложки, на порошке ложки,
будто матрешки, взялись в хоровод.
Сделал Ивашка веселые ложки.
Не желают ложки на кухню послужить,
а пойдем мы, ложки, к плясуну
Серёжке,
будем под гармошку сапожками бить.
С той поры в народе водятся:
в хороводе
Ивашкиным ложкам дробушки
стучать.
А мастеру Ивашке за его промашки
лаптем из чаши щи хлебать.